

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

ны предполагало заметно более сложную социальную, политическую, цивилизационную траекторию. В этом случае условием достижения истины являлось наличие и качество актуальных взаимоотношений, что делало сомнительным удержание когнитивной сокровищницы в единожды и навечно обретенной универсальной полноте.

Характер отношений с истиной предопределяет различие траекторий познания и в иных регистрах. Это либо преследование перманентно испытываемой, взвешиваемой на весах души полноты ради получения ответа: со-весть, что включает личную ответственность за качество и последствия низведенных в мир, переданных знаний и умений. Либо динамичная экспансия, обезличенное суммирование и освоение найденного, допускающее нарастание дисгармоник не только относительно знания *per se*, но также нравственного качества («категорического императива») практических приложений. Высокая эффективность подобного подхода одновременно таит риски отложенных неурядиц. Из чего вытекают многообразные различия в логике технического и технологического развития, экономического действия, геометрии политического строя, архитектуры социального строительства.

Выбор позиции, подразумевающей ту или иную онтологию мировидения, в свою очередь предопределяет направление исхода из развилки-ловушек истории, регламент познания-действия, содержание культурной, социальной, политической стратегии. И в конце концов – генеральную композицию будущего: апофеоз той предельной ситуации, к которой, судя по всему, движется человечество.

ЗНАНИЕ И ДЕЙСТВИЕ

*Ощущение возможной реальности
следует ставить выше ощущения
реальных возможностей.*

Роберт Музиль

Мы живем в мире, субъективная неопределенность которого заметно возрастает. Кроме того, в течение XX века глобальный театр операций, скорость, масштаб перемен, повышение рисков предопределили обновление методологии познания и действия, пересмотр процедур принятия/реализации решений.

Чем больше акций мы совокупно совершаем, чем больше познаем, тем обширней сфера соприкосновения с неведомым. Усложнение организации предполагает рост технологической неопределенности: снижение надежности техносферы. Закономерности чаще проявляются как статистический параметр, в технических, социальных сетях фиксируется феноменология «странных процессов». И по мере умножения проблем, сокраще-

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

ния времени на их осмысление, реагирование политическая, деловая практика раз за разом ставят перед лицом, принимающим решения, дьявольские альтернативы.

Естественно, возрастают нагрузки на интеллект, психику, физиологию. При усложнении контроля над ситуацией повышается значение креативности, способности *ad hoc* опознавать и постигать скоропись нестандартных обстоятельств, поддерживать душевное равновесие, активный интеллектуальный, творческий статус.

НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ОПЕРАТОР

Homo sapiens способен принимать верные решения на основе несовершенных, противоречивых, заведомо неполных данных. Однако длительное время мысля и действуя в соответствии с постулатами линейной логики, обитая в затворе механистичной модели реальности (корни чего уходят к эпохе Просвещения и глубже – к древнегреческим истокам, аристотелизму), мы оцениваем возможности собственного естества по прописям культурного эталона, основа которого – обобщение, нисходящее на практике до стандарта²².

Человек сегодня – органичная часть управленческой механики, исполняя ту или иную функцию, он инструментален. Подобная его «объектность», подвергаясь долгое время своего рода индустриализации, содействовала обезличиванию и отчуждению. Но будучи по природе не объектами, а субъектами, причем весьма сложными, люди сохранили способность к операциям нестандартного свойства, подчас спонтанным, эффективным и продуктивным.

²² Естественные науки явились следствием христианского переосмысления знания как результата богопознания, реализуемого посредством испытания творения (природы), а не логически обоснованных умопостроений (спекуляций), получивших статус гипотез. Между тем эта революция лишь частично затронула гуманитарное знание, исключив его из сферы объективного знания (здесь данная позиция принадлежит Откровению), ибо предмет его – творения человека, а не Творца. Но одновременно привнесла в него флер сциентизма, наложив неоправданные для рассуждения (дискурса) ограничения, ведущие на практике к редукционизму. Вследствие подобной мимикрии обобщение, обретаемое в результате рассуждения, претендует на статус хотя и транзитной, но объективной объектности (*de jure*), представляя, однако же, на деле (*de facto*) сумму субъектностей, прошедших семантический фильтр сознания и ассимиляцию. Другими словами высшие постижения интегрируются с разнообразием общедисциплинарных клише и прагматичных тактических заблуждений, ибо в гуманитарных дисциплинах отсутствует эксперимент, способный вне сферы людских суждений прояснить, легитимировать ситуацию, представив факт. Иначе говоря, эксперимент по установлению факта замещается опытом практики, верифицирующим эффективность, и ситуационным консенсусом. Данное препятствие, кажущееся непреодолимым при катафатическом миропостижении, отчасти преодолевается при апофатическом подходе, способном помимо возможностей аналогового и аналитического мышления использовать потенциал внекатегориального познания.